

ОДНО
ВОСПОМИНАНИЕ
ФЛОРЫ
БЭНКС

ЭМИЛИ БАРР

ЭТО НЕ ЛОЖЬ, ЕСЛИ НЕ МОЖЕШЬ
ВСПОМНИТЬ ПРАВДУ...

Annotation

Флора Бэнкс необычная девушка.

Каждый день для нее испытание. С кем гуляла, куда ходила, о чем разговаривала – все это не задерживается в ее голове. Все, кроме одного момента! Однажды, отдыхая на пляже, она поцеловала Дрейка. И это воспоминание волшебным образом не исчезло из памяти. Может, секрет исцеления Флоры в любви?

Но парень, подаривший ей поцелуй, уезжает в холодную и далекую Арктику. И Флора решает: если Дрейк и есть ключ к ее выздоровлению, она готова рискнуть и отправиться следом за ним.

Эмили Барр

Одно воспоминание Флоры Бэнкс

© Крупичева И.Ю., перевод на русский язык, 2017

© ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Май

Я стою на вершине горы. Я знаю, что совершила нечто ужасное, но понятия не имею, что именно.

Еще минуту или час назад я знала это, но все испарилось из памяти. Я не успела записать – воспоминание потерялось навсегда. Я знаю: нужно убежать и спрятаться, но не помню, от чего.

Я нахожусь в невероятно прекрасном месте, покрытом льдом. Далеко внизу – полоска воды и две весельные лодки, вытасенные на берег. Вдаль, насколько хватает глаз, простираются горы. На небе глубокого синего цвета сияет солнце. На земле лежит снег, но мне не жарко: я в тяжелом меховом пальто. Это сверкающее снежное место не реально – я его выдумала.

Когда я оглядываюсь, вижу неподалеку от лодок дом. Я вскарабкалась на гору, подальше от того, что внутри этого дома. Мне не стоит находиться здесь одной – это опасно, я знаю.

Но лучше остаться в одиночестве среди дикой природы, чем встретиться с людьми.

Здесь нет деревьев, прячась за которыми можно пересечь хребет и скрыться. Стоит перейти через ледяной гребень, и я окажусь на свободе. Я останусь наедине с горами, скалами и снегом.

Я стою на краю и достаю из кармана пальто два гладких камешка. Не понимаю, зачем это делаю, но знаю – они очень важны. Камешки черные, каждый точно умещается в моей ладони. Я бросаю один за другим так сильно и далеко, как только умею. Камешки исчезают среди покрытых снегом скал – это доставляет мне удовольствие.

Скоро меня никто больше не увидит. Я спрячусь и не сдвинусь с места, пока не вспомню, что сделала. Не важно, сколько времени мне для этого понадобится. Возможно, я останусь здесь, в этом холодном месте, до конца жизни.

Музыка играла слишком громко, в комнате было слишком много народа. Казалось, в доме людей больше, чем можно сосчитать. Низкие ноты вибрировали в моем теле. Я немного постояла в углу, потом сделала глубокий вдох и начала прокладывать себе путь через толпу незнакомцев.

Я посмотрела на свою ладонь. *«Вечеринка»*, – было написано на ней большими черными буквами.

– Сама догадалась, – сказала я надписи, хотя и не знала, почему нахожусь здесь.

В комнате стоял густой запах пота, спиртного и духов. Все смешивалось, превращаясь в тошнотворную вонь. Мне нужно было выбраться оттуда и глотнуть свежего воздуха. Хотелось прислониться к парапету и посмотреть на море, шумевшее неподалеку.

– Привет, Флора, – услышала я мужской голос. Он принадлежал высокому, худому, лысому парню. Я его не узнала.

– Привет, – ответила я со всем возможным достоинством.

Парень был одет в джинсы. Все парни на вечеринке были в джинсах, и большинство девушек тоже. Я же почему-то была в белом блестящем платье с широкой юбкой и в желтых туфлях, не слишком симпатичных. К тому же они были не моего размера.

Я догадывалась, что оделась не так и выглядела как человек, который что-то неправильно понял. Это чувство было мне знакомо.

В детстве мне нравилось красиво одеваться на праздник. Я надевала нарядное платье, люди обнимали меня и говорили, что я похожа на принцессу. Но я повзрослела. Если бы у меня оказалась ручка, я бы написала на руке напоминание: *«Я старше, чем думаю»*. Не стоит больше надевать праздничные платья. Мне следовало бы надеть джинсы. Надо сделать эту фразу моим девизом. Я вновь посмотрела на ладонь. *«Мне 17 лет»*, – подсказала еще одна надпись. Оглядев себя, я поняла, что выгляжу как подросток, но не чувствую себя им.

– Выпьешь?

Парень кивнул на стол, заставленный пластиковыми стаканчиками и бутылками. Я посмотрела на запыстье. *«Не пей спиртного»*, – было написано на нем. Остальные гости пили.

– Да, пожалуйста, – сказала я, чтобы посмотреть, что из этого получится. На руке была еще одна подсказка: *«Дрейк уезжает. Он парень П.»*. Так, вечеринку устроили потому, что кто-то уезжает. Парень Пейдж? Бедняжка Пейдж. – Красного вина, пожалуйста.

Я лизнула палец и принялась тереть надпись *«Не пей спиртного»*, пока слова не перестали читаться.

Высокий парень протянул мне полный пластиковый стаканчик. После первого глотка я поморщилась, но вино позволило мне больше не чувствовать себя лишней, и я отправилась на поиски Пейдж.

Мне семнадцать лет. Это вечеринка. Дрейк уезжает. Дрейк – парень Пейдж.

Какая-то женщина остановила меня, положив руку на локоть. Я повернулась к ней. Ее волосы отливали белизной. Она была намного старше остальных: на ее лице проглядывали морщины. Это была мама Пейдж. Не знаю почему, но она меня не любит.

– Флора, – она попыталась перекричать музыку. Ее губы улыбались, а глаза нет. Я ответила ей тем же. – Флора, ты пришла, и ты в порядке.

– Да! – проорала я в ответ, усердно кивая.

– Что ж, я сообщу об этом твоей матери. Она прислала мне уже три сообщения, чтобы узнать, как ты.

– О'кей, – сказала я.

– Мы с Дэйвом собираемся уйти. С тобой все будет в порядке? Я знаю, что тебе всегда нужна нянька.

Позвучало не слишком любезно.

– Да, конечно.

Она какое-то время смотрела на меня, потом повернулась и ушла. Эта женщина была мамой Пейдж, и это был ее дом.

Музыка смолкла, и я облегченно вздохнула: было слишком громко и шумно. Но музыка зазвучала снова, и люди вокруг меня запрыгали и начали танцевать. Подражать им я бы точно не смогла. Гостям явно пришлась по душе новая, более ритмичная песня.

– Поставь «Пиксиз»!^[1] – крикнул кто-то у меня над ухом. Я подскочила и пролила вино на платье. Пятно походило на кровь.

Женщина сделала шаг назад и наступила мне на ногу. У нее были очень короткие волосы и огромные серьги. Яркая помада размазалась, делая ее рот похожим на рану.

– Ох, прости, – извинилась она и вернулась к разговору.

Мне захотелось уйти. Я должна была выбраться из этого дома. Вечеринки оказались не такими, какими я их себе представляла: никаких нарядных платьев, никаких игр, никакого торта. Я не видела Пейдж, и мне не с кем было поговорить.

Я направлялась к двери, навстречу запаху моря, тишине и моему дому, но тут раздалось дзиньканье и по комнате разнеслось многоголосое «Тсс». Разговоры смолкли. Я остановилась и повернулась в сторону, куда смотрели остальные.

Дрейк встал на стул. Он друг Пейдж, а Пейдж – моя лучшая подруга. С ней я чувствую себя уверенно. Мы впервые встретились, когда нам было по четыре года^[2] и мы только что пошли в школу. Наши волосы были заплетены в косички. Мы нервничали. Я помнила, как мы играли в «резиночку» на детской площадке. Помнила, как вместе учились читать. Я научилась быстрее и поддерживала Пейдж. Пока мы росли, я помогала ей делать домашние задания, а она писала маленькие пьесы, которые мы с ней разыгрывали. Пейдж находила деревья, на которые мы залезали. Я помнила наш последний год в младшей школе. Мы предвкушали, как будем учиться в средней школе.

Я знала Пейдж, но когда посмотрела на нее, то с удивлением обнаружила, что она уже взрослая. То есть Дрейк был ее настоящим бойфрендом, а не просто знакомым мальчиком.

У Дрейка, я заметила, темные волосы и очки в черной оправе. Он был в джинсах, как и все гости. Я его не узнала.

Парень окинул глазами толпу. Когда наши взгляды встретились, он коротко улыбнулся и отвел глаза. Это значило, что мы были знакомы, хотя я его и не помнила. Рядом со стулом стояла белокурая девушка и смотрела на Дрейка. И стояла она слишком близко. Мне показалось, что я уже видела ее раньше. Не стоило девушке так смотреть на Дрейка, раз он парень Пейдж.

– Эй, ребята, спасибо, что пришли, – обратился Дрейк к толпе. – Я не ждал настоящей вечеринки. Кажется, я пробыл в городе минут пять. Или пять месяцев, если быть точным. Мне очень понравилось здесь. Я жил в доме тети Кейт и дяди Джона и не ожидал, что обзаведусь кучей друзей. Я думал: Корнуолл – всего лишь аванпост Лондона, где я буду кататься на двухэтажных автобусах, есть ужасную британскую еду и стану футбольным хулиганом. Но вместо этого я отлично провел время. Не забывайте меня. Если кто-то захочет приехать ко мне в гости на Шпицберген и увидеть самый невероятный пейзаж на земле – добро пожаловать! Я бы хотел жить там всегда. И мне повезло, что получится там немного пожить. Но это не значит, что Корнуолл не произвел на меня впечатления.

Кто-то позади меня тихонько сказал:

– Ему стоило подольше рассказывать об Арктике.

В ответ рассмеялись.

Я сфотографировала Дрейка, чтобы снимок напомнил мне о вечеринке. Я не знала, что такое «Шпицберген». Странное слово. Но Дрейку оно явно нравилось.

Я допила вино из стаканчика. Лучше оно не стало. Я оглядела комнату еще раз. Меня сильно тошнило.

– Конечно, – продолжал Дрейк, – пока я жил здесь, мне повезло встретить красавицу Пейдж.

Он замолчал, улыбнулся и слегка покраснел.

Человек за моей спиной пробормотал:

– И выступить в куда более высокой весовой категории.

В ответ раздалось согласное фырканье.

– Благодаря Пейдж я встретил много прекрасных людей, – отметил Дрейк. – Я буду по вас скучать. Спасибо всем, останемся на связи. Я обязательно выложу в Фейсбуке снежные фото. Вот, собственно, и все, что я хотел сказать. Ах да, спасибо Пейдж, Ивонне и Дэйву за то, что они разрешили нам занять их дом, хотя я планировал позвать всех в паб. А теперь продолжайте веселиться и постарайтесь не разнести этот дом.

Дрейк неловко слез со стула. По комнате прокатились короткие приглушенные аплодисменты: все держали в руках пластиковые стаканчики и по-настоящему хлопать не получалось.

Я попыталась сложить все, что Дрейк сказал: он едет куда-то, где много снега, и его это радует; он провел у нас в Пензансе^[3] пять месяцев, жил у тети Кейт и дяди Джона; Пейдж устроила для него эту вечеринку.

Моя подруга стояла в углу, окруженная людьми. Она подняла глаза и одним движением бровей спросила, в порядке ли я. В ответ я просигнализировала, что в порядке.

Пейдж – красавица с длинными черными волосами, густыми и слегка волнистыми, кремовой кожей и ямочками на щеках, появляющимися, когда она улыбается. Пейдж похожа на китайскую фарфоровую куклу. На ней было ярко-голубое платье, короткое, обтягивающее. Она надела к нему плотные колготки и грубые ботинки. Я одернула дурацкое белое «праздничное» платье, стараясь не смотреть на свои ужасные туфли. Все было не так, как надо.

Интересно, как я выгляжу со стороны? Поблизости не было ни одного зеркала.

На внутренней стороне моей руки было напоминание: «Завтра в кино с Пейдж. Развесели ее».

Я налила красного вина в стаканчик и прошмыгнула через боковую дверь незаметно, как

будто кто-то возражал против моего ухода. Холодный воздух ударил в лицо, море наполнило уши и легкие. Я закрыла глаза на несколько секунд. Слава богу, я выбралась оттуда.

Я стояла посреди дороги. Была ночь. Я озиралась по сторонам, пытаюсь понять, где нахожусь. Под ногами у меня была белая полоса. Значит, я – на середине дороги. На меня мчался автомобиль и сигналил. Я смотрела на приближающиеся фары. Они вильнули в сторону и промчались мимо. Автомобиль продолжал сигналить, удаляясь.

Мне не следовало находиться на улице одной. Мне не следовало стоять посреди дороги. Мне только-только позволили переходить улицу в сопровождении взрослого. Почему я оказалась на дороге в темноте? Почему я одна? Где моя мама?

На мне было белое платье и странные желтые туфли. На платье спереди расплзлось красное пятно. Когда я до него дотронулась, боли не почувствовала. В руке я держала пластиковый стаканчик с напитком из черной смородины. Я пролила немного на белую линию на дороге.

Мне было десять лет. Я не понимала, почему у меня тело взрослого человека. Мне стало неприятно, хотелось домой. Я перебежала на другую сторону улицы и оказалась на набережной. Откуда-то доносилась музыка. Я облокотилась на парапет и постаралась не паниковать.

Я сделала глоток и поморщилась. Это был не напиток из черной смородины, но противный вкус был мне знаком. Наверное, я это уже когда-то пила.

Я посмотрела на руку. «Флора» – написано на ней. Меня так зовут. Эти буквы составляют мое имя. Я уцепилась за это – я Флора. Ниже было: «*Будь храброй*». Я закрыла глаза, сделала глубокий вдох и взяла себя в руки. Я не знала, почему здесь оказалась, но со мной все будет в порядке. «*Мне 17 лет*» – гласило еще одно напоминание.

На другой руке было начертано: «*Вечеринка. Дрейк уезжает. Он парень П.*». Еще одну надпись прочесть было невозможно. Выше на запястье было написано: «*Мама и папа. Морраб-Гарденс, 3*» и «*Завтра в кино с Пейдж. Развесели ее*».

Я знаю, кто такая Пейдж. Она моя подруга. Я познакомилась с ней, когда пошла в школу. Нам тогда было по четыре года. Дрейк – ее бойфренд, но он уехал, и Пейдж нужно развеселить.

Я знаю, что у меня есть родители, я живу на Морраб-Гарденс, 3. И собираюсь вернуться домой. В голове было какое-то странное ощущение. Она кружилась.

Я смотрела на перевернутое отражение луны в море. К парапету было приклеено объявление: «*Пропал кот. Ищем черно-белого кота без ушей. Исчез во вторник*». Ниже был указан номер телефона, чтобы позвонить, если вы увидели кота. Я сфотографировала объявление один раз, потом еще раз и еще. Мне не нравилось, что по округе скитается черно-белый безухий кот. Он не услышит приближающуюся машину. Его надо найти. Может быть, я уже искала его и поэтому оказалась здесь.

Я перевернула смартфон и сфотографировала свое лицо. Посмотрев на снимок, я увидела, что выгляжу иначе. Я оказалась старше, чем думала. Мне было не десять лет.

Вечеринка. Дрейк уезжает. Пейдж грустит. Мне семнадцать. Мне нужно быть храброй.

Вода была черной. К невидимому горизонту тянулось широкое полотно темноты, на глади которого мерцало отражение луны. Сверкающая эспланада начиналась там, где заканчивалась земля.

Я задумалась: не спуститься ли на пляжи окончательно испортить странные желтые туфли – я никак не могла понять, нравятся они мне или нет, – бродя по острым камням и мокрому песку.

Я могла бы посидеть там, выпить из стаканчика тот красный напиток, названия которого не знала, и полюбоваться водой. Я осторожно добралась до лестницы с настолько истоптанными ступенями, что они просели в середине, и пошла по камням. Мои каблуки не провалились в песок: он оказался прочнее, чем выглядел. Я нашла место, где присесть, и устала на воду.

Волны шумно лизали камни, когда я услышала звук приближающихся шагов. Я не оглянулась. Кто-то сел рядом со мной.

– Флора, это вино, верно? – обратился ко мне парень с широкой улыбкой. Он был так близко, что наши плечи соприкасались.

Парень взял стаканчик из моей руки и отпил. Я посмотрела на незнакомца. Он не был похож ни на модель, ни на кинозвезду. Темноволосый. В очках с черной оправой и в джинсах.

Я чуть отодвинулась.

– Это я, Дрейк, – продолжал он. – Флора, с тобой все в порядке?

– Ты Дрейк?

– Да. Ох, да... Я догадываюсь, что произошло. Все в порядке, Флора. Мы с тобой знакомы много месяцев. Я был бойфрендом Пейдж.

Я не знала, что ему ответить.

– Все в порядке. Честное слово. Ты пьешь вино? Это на тебя не похоже.

Мне хотелось сказать хоть что-то, но я не находила слов. Мне хотелось сделать вид, что я нормальная. Это Дрейк. У него вечеринка, и вот он пришел на пляж.

– Что ты здесь делаешь? – спросила я. – На пляже?

Я посмотрела на надписи на левой руке. Я смогла разобрать подсказку в свете уличного фонаря, стоящего у нас за спиной: «Дрейк уезжает». Фразу ниже разобрать было невозможно. Правая рука в очередной раз напомнила мне, что нужно быть храброй.

Дрейк взял мою левую руку и прочел надписи. Его ладонь была теплой.

– «Дрейк уезжает», – произнес он. – «Он парень П.».

Мы вместе смотрели на эти слова.

– «Флора, будь храброй», – прочитал Дрейк надпись на другой руке. – Мне нравятся надписи на твоих руках. Это работает? Они помогают тебе помнить?

Он держал мои руки.

– Я был парнем Пейдж, – сказал Дрейк.

Я не знала, почему он пришел на пляж. Он уезжает. Он будет жить где-то еще.

Ночь становилась холоднее, с моря подул ледяной ветер.

– Как это будет? – Я говорила быстро, чувствуя себя неуютно. – Куда ты едешь?

Дрейк по-прежнему держал мои руки в своих. Мне нравилось тепло его ладоней. По выражению его глаз я поняла, что мне следовало бы знать ответ на этот вопрос.

– Будет удивительно, – ответил Дрейк. – Там холодно. Однажды я побывал в тех краях. Типа, совсем давно. Мы поехали на каникулы на Шпицберген: посмотреть на полуночное солнце. Мне было десять, и с тех пор я мечтал жить там. А теперь, спустя девять лет, наконец-то сделаю это. Это будет грандиозно.

Он вздохнул.

– Мой курс читают на английском, потому что люди съезжаются туда со всего мира. Мне реально повезло, я ведь полный ноль в языках.

Дрейк немного поерзал и придвинулся еще ближе. Он отпустил мою левую руку, а правую сжал крепче.

Невозможно было сосредоточиться на том, что говорил Дрейк: моя кожа начала жить своей жизнью. Она стала невероятно чувствительной, и каждая ее частичка хотела только одного: чтобы Дрейк прикасался ко мне.

Он был парнем Пейдж, и я не знала, что он делает рядом со мной.

– Повезло, – эхом откликнулась я и опустила голову ему на плечо: терять мне было нечего. – Тебе девятнадцать, – продолжала я. – Мне семнадцать.

Казалось, важно помнить это. Я подняла голову, ведь он был парнем моей подруги.

Дрейк потянулся и левой рукой вернул мою голову себе на плечо. Подчинившись, я приникла к нему, чувствуя, как он обнимает меня.

– Мы с Пейдж расстались, – сказал Дрейк.

Он повернулся ко мне, я повернулась к нему. Когда его губы коснулись моих, я поняла: единственное, что могу сейчас сделать, это ответить на поцелуй.

Машины пролетали по дороге за нами. Волны разбивались о берег у наших ног. Я целовала Дрейка. Я хотела вечно вот так сидеть с ним на пляже. Я понятия не имела, как или почему это происходит, но знала: это лучшее, что случилось со мной в жизни.

Мне удалось отодвинуться от Дрейка. Волны набегали на берег, налетевший ветер ерошил мои волосы.

– Эй, послушай, – произнес он, – не хочешь сходить со мной куда-нибудь? Типа, прямо сейчас? Мы могли бы провести ночь вместе...

Я уставилась на него. Мы могли бы провести ночь... Все внутри меня напряглось. Я хотела провести с ним ночь, но не знала, что и как делать. Он хочет провести ночь со мной. Ночь. Эту ночь.

Я должна была идти домой.

– Но моя мама... – начала я. Мы смотрели друг на друга. Я не смогла закончить предложение, отвести взгляд. Я наклонилась, чтобы снова поцеловать Дрейка, но он отпрянул.

– Твоя мама, – повторил Дрейк. – О боже! Прости. Это была ужасная идея. Правда. Я это... я... не хотел...

Он умолк. Я не могла говорить, поэтому кивнула. Выражение, с которым он смотрел на меня, было трудно расшифровать.

– Я в порядке, – заверила я Дрейка. – Ой, прости. Я бы... никогда...

Я закусила прядь волос. Предложение закончить не получилось. Я хотела сказать Дрейку, что не ожидала ничего подобного. Уверена, что такого со мной раньше не бывало. Что я смущена и все еще пытаюсь осознать происходящее. Что я буду вечно любить его, ведь он помог мне почувствовать себя нормальной. Что я бы хотела провести с ним ночь, но не могу предать подругу. И не вернуться домой ночевать тоже не могу.

– Она позвонит в полицию, – сказала я, думая о матери.

– Полиция. Господи, я идиот. Забудь, что я предложил.

Дрейк посмотрел на меня. Мы оба знали, что я, разумеется, забуду этот разговор. От холода волоски на моих руках встали дыбом. Море билось о берег, ветер дул со всех сторон, луна и звезды исчезли за облаками. Небо стало таким же черным, как море.

– Понимаешь, – заговорил Дрейк, – я могу признаться, потому что, типа, какого черта? Ты все равно забудешь. Я был тогда в пабе с тобой и Пейдж. Я смотрел на тебя, такую, типа, хорошенькую и белокурую, не похожую ни на одну девушку на земле. И я гадал, каково это – быть с тобой? Ты другая. Всегда улыбалась мне. Захотелось присматривать за тобой и слушать: твои слова отличаются от того, что говорят другие люди.

Он взял мое лицо в ладони.

– С тобой все будет о'кей, Флора?

Я кивнула. Хотела сразу записать, что поцеловала Дрейка, но было бы странно сейчас калякать что-то на руке. Мне нужно было записать: «Он предложил провести ночь». Я не хотела это забыть. Но я не стала. Возможно, мы могли бы найти способ провести время, как нормальные взрослые люди.

– Со мной все будет в порядке, – ответила я. – Послушай, если мы пойдем куда-нибудь сейчас, то я могла бы. Уверена, что могла бы...

– Нет. Прости. Мой косяк. Мы не можем. Но знаешь, может, останемся на связи? Просто сообщай, что с тобой все в порядке, ладно? Ты же сделаешь это?

– Я буду на связи. – Мне хотелось снова поцеловать Дрейка. Я хотела, чтобы он продолжал целовать меня. Хотелось стереть весь мир вокруг, чтобы остались только он, я и пляж.

Прилив подобрался ближе, и мы оказались на узенькой песчаной полоске. Дрейк глубоко вздохнул и крепче сжал мою руку.

– Флора Бэнкс, – торжественно произнес он, – будь осторожна. Не говори Пейдж об этом. Не говори твоей маме. Не записывай это на руке.

Он выбрал один камешек из лежащих под ногами и протянул его мне на раскрытой ладони. Камешек был маленький и гладкий. Даже в лунном свете я видела, что он абсолютно черный, хотя остальная галька была серой, цвета сланца. Я протянула руку и взяла камешек.

– Я сохраню его навсегда, – сказала я Дрейку.

Мы встали. Я словно окаменела, была сбита с толку. Мне хотелось забраться в кровать и снова и снова переживать эти мгновения. Мы медлили и смотрели друг на друга.

– Что ж, я... – начал Дрейк. – Ох, не могу я вернуться к Пейдж сегодня. Не сейчас. Я пойду, а утром тихонько уеду.

Он снова поцеловал меня в губы. Я прислонилась к нему и ощутила его объятия. Я знала, что никогда больше этого не почувствую.

– Давай я провожу тебя до дома? – предложил Дрейк, но я покачала головой. Я стояла на пляже и смотрела, как он уходит. Дрейк дошел до лестницы и поднялся в реальный мир. Он остановился, помахал мне и исчез из моей жизни навсегда.

Я поцеловала мужчину своих грез. Но он уезжает далеко, туда, где холодно, где светит полуночное солнце. Я посмотрела на темное небо. Полуночное солнце – это что-то с другой планеты.

Когда я вернулась домой, мама ждала меня. Она была в халате, волосы распущены, в руке чашка чая. Она поцеловала меня в щеку и оглядела с ног до головы.

– Хорошо провела время? – спросила мама.

– Да.

– Ты выпила.

– Капельку.

– Ну и пятно на твоём платье. Ладно, не важно. Все прошло хорошо?

Я просияла.

– Да. Просто прекрасно, спасибо.

– Хорошо. Пейдж проводила тебя?

– Да.

– Прекрасно. Теперь я могу получить назад мои туфли?

Я скинула желтые туфли и пошла наверх. В спальне я переоделась в пижаму и записала встречу с Дрейком в мельчайших подробностях на обратной стороне старого блокнота, куда маме даже в голову не пришло бы заглянуть. Я спрятала блокнот в ящик под кроватью, положив на самое дно под другие вещи. Я написала себе записку, чтобы не забыть, где лежит блокнот. Утром я проснусь и буду перечитывать записи снова и снова, хотя мне это будет и не нужно, потому что я все запомню.

Черный камешек я положила на прикроватную тумбочку. Я смогу запомнить. Мне семнадцать лет.

– Ты поцеловала его. – Пейдж говорила спокойно, но лучше бы она кричала. В ее голосе звучала тихая ярость. Она пристально посмотрела на меня и повторила: – Ты поцеловала его! Я знаю, что ты это сделала. Ты этого не помнишь, но ты это сделала. Я знаю, что ты это сделала, потому что...

В ушах у меня звенело, и я не могла сосредоточиться на словах Пейдж. Я понимала, что она говорит. Я понимала, что она злится. Я понимала, что у нее было право сердиться. Она произносила слова, но я их не слышала. Я заставила себя посмотреть на подругу. Я заставила себя собраться.

Пейдж глубоко дышала.

– Ты записала это!

Она держала в руке один из моих листочков-напоминалок, поэтому я не могла, разумеется, ничего придумать. Слова были написаны моим почерком, а Пейдж знала, что в записках – только правда. Она знала, что все записанное случилось на самом деле.

Я тоже знала и помнила это. Я помнила то, что было до моей болезни, а теперь еще и то, что поцеловала Дрейка. Я больше не маленькая девочка, потому что поцеловала парня на пляже и он попросил меня провести с ним ночь. Мне не десять лет. Мне семнадцать.

Я помнила. Камень, или Дрейк, или любовь не позволили мне забыть это. Потому что я влюбилась!

Я не могла отрицать этого перед Пейдж. Я помнила, как поцеловала Дрейка. Должно быть, это осталось в моей памяти, хотя я не помнила ничего произошедшего после того, как мне исполнилось десять. Я посмотрела на желтый листок, который держала Пейдж: посередине крупными буквами было написано: «*Купить молоко*», а по краям малюсенькими буквами: «*Я поцеловала Дрейка. Я люблю Дрейка*». Я заметила, что продолжаю смотреть на слова. Я восхищалась тем, что случилось. Это делало меня счастливой, и мне хотелось плакать.

Я ждала, когда все забуду, но пока помнила: я сидела на пляже, он пришел ко мне, присел рядом и мы поцеловались.

Это было мое единственное ясное воспоминание, которое не исчезло после болезни. Я цеплялась за него, приказывала ему остаться, жить во мне столько, сколько я смогу его удерживать. Я не понимала, почему воспоминание осталось. И не знала, надолго ли. Я обожала его. Мне нужно было сохранить воспоминание навсегда. Если я буду помнить его, я смогу запомнить и другие вещи. Поцелуй Дрейка – лекарство, которое излечит меня. Скоро я буду помнить все, хотя надеюсь, что этот разговор с Пейдж забуду.

Пейдж держала в руке листок и смотрела на меня с такой ненавистью, что мне пришлось опустить глаза и разглядывать пол. Мы сидели в очаровательной маленькой чайной на Маркет-Джю-стрит и ждали, когда нам принесут заказ. После мы собирались заняться чем-то другим. Пейдж нашла записку, потому что я вытащила смартфон, чтобы написать маме, где нахожусь. Из моей сумки вылетели желтые листочки. Пейдж нагнулась, чтобы собрать их для меня, а я забыла, что на них могло быть записано что-то такое, чего ей видеть не следовало бы.

Я забыла. Разумеется, забыла. Я помнила поцелуй, но забыла, что написала о нем.

Пейдж увидела имя Дрейка на краю листа, потому и вчиталась в текст. И вот теперь она смотрела на меня.

– Ты любишь его? – спросила Пейдж. – Ты не только поцеловала его... Я понятия не имею, сколько раз это могло случиться, да ты и сама этого не знаешь. Но ведь ты думаешь, что любишь его. Вот этого я от тебя не ожидала.

Я не нашла, что ответить. Я поняла, что люблю Дрейка, но мне не хотелось, чтобы Пейдж знала, какую страсть я испытала в тот вечер. И все же я кивнула.

– И ты поцеловала его. Признайся. Я на сто процентов уверена в этом.

Я смотрела в пол, стилизованный под дерево. Потом я повернула голову направо, отвернувшись от Пейдж, и уставилась на людей, сидевших за соседним столиком. Это была семья: двое взрослых и двое детей. Взрослые читали газеты, дети толкали друг друга под столом. Все четверо были в джинсах и голубых флисовых куртках.

– Он пошел на пляж, – тихо продолжала Пейдж. – И уже не вернулся. Ты провела с ним всю ночь.

– Не было этого! Я ушла домой. Можешь спросить у моей мамы. Пейдж, я помню это!

Я помнила: Дрейк попросил меня провести с ним ночь. Об этом я подруге говорить не собиралась.

– Нет, ты не помнишь! А мать тебя прикроет. Если ты привела Дрейка домой и вы всю ночь кувыркались в кровати, а рано утром он ушел, твоя мама мне этого не скажет. Потому что она не захочет, чтобы дочь потеряла единственную подругу. И кстати, ты можешь сообщить ей, что я передумала и не собираюсь делать небольшое одолжение. Я согласилась только для того, чтобы она от меня отвязалась. Скажи маме, что они могут взять тебя с собой.

– Нет! – Я чувствовала нарастающую панику. – Нет, Пейдж, поверь мне! Мы действительно сидели на пляже. Мы поцеловались. Прости. Я ушла домой. Он тоже ушел, я не знаю куда. Прости меня, Пейдж. Я не хотела, чтобы это случилось. Но я все помню. Я действительно помню.

Я понятия не имела, что это за «небольшое одолжение», но было не время спрашивать. Вероятно, мне уже говорили об этом двенадцать тысяч раз.

– Ты не хотела? Господи. И, Флора, не говори мне, что ты помнишь. Я знаю, что не помнишь.

– Я не хотела, чтобы это случилось. Я не ожидала, что буду все помнить. Не знаю почему, но...

– Ты любишь его, – прервала меня Пейдж.

Я смущенно пожала плечами, мне было неловко.

– Поправочка: ты записала свою маленькую историю любви, и каждые пару часов, когда все забываешь, перечитываешь ее и убеждаешь себя, что любишь Дрейка. Жалкое зрелище. Прежде всего жалок он. Ты его заслуживаешь, если такого бойфренда себе ищешь. Насколько я знаю и насколько ты знаешь, он мог соблазнять тебя последние несколько месяцев. Мило. Большая польза будет тебе от него на Северном полюсе. Ты могла заполучить моего бойфренда, но он уехал. Знаешь ли, долгие годы только я заботилась о тебе. Я вытаскивала тебя из дома, хотя мать предпочла бы завернуть тебя в вату и не отпускать от себя. Я водила тебя в кино, в кафе, на танцы целый год. Я присматривала за тобой лучше, чем женщина-соцработник в те дни, когда ты еще училась в школе. Каждый раз, когда ты забывала, где находишься, я помогала тебе. Моя мама терпеть не могла, что я этим занимаюсь. Она

говорила, что мне не следует быть для тебя нянькой. Но конечно – бери моего парня. Дело в том...

Пейдж оборвала себя, когда официантка со скучающим видом принесла наш заказ на круглом подносе. Она долго расставляла чашки, крошечный молочник, вазочку с пакетиками сахара и сверкающий небесного цвета чайник.

Пока официантка нас обслуживала, мы с Пейдж молчали и не смотрели друг на друга. В конце концов подруга напряженно выдавила из себя: «Спасибо». За соседним столиком маленькая девочка в голубой флисовой курточке попросила мужчину: «Можно мне поиграть на твоём телефоне?»

Я налила нам чай, начав с Пейдж. Она наблюдала за мной, и моя рука дрогнула. Чай пролился на стол – лужица потекла к краю. Пейдж не шевельнулась, поэтому, закончив разливать чай, я встала, подошла к стойке и взяла салфетки, чтобы вытереть чай, пока он не пролился на пол.

Пейдж не дотронулась до своей чашки. На подруге были узкие черные брючки по фигуре и обтягивающая футболка с круглым вырезом. Волосы были собраны. Она не забыла о яркой помаде. Я думала: мы собирались пойти в кино, где она стала бы говорить о Дрейке и о том, как она по нему скучает.

Но теперь мы не будем больше этого делать, никогда.

Пейдж глубоко вздохнула и продолжила:

– Дело в том, что я всегда знала о твоей влюбленности в Дрейка. Тебя видно насквозь, Флора. Но я и представить не могла, что Дрейк этим воспользуется. Одному богу известно, сколько раз это было. Мне в голову не приходило, что он вообще тебя заметил, если не считать интересной истории твоей болезни. Ты и половины ее не знаешь. Что бы ты ни сказала, тебе не удастся убедить меня в том, что у вас не было секса. Ни единому слову не поверю. У меня в голове не укладывается, что ты это делала с моим парнем. С моим! Я знаю, что ты забудешь Дрейка, потому что не знала его до твоей так называемой болезни. Но ты записала его имя на руке и добавила, что он мой парень. Я знаю, – Пейдж помахала запиской в воздухе, – что ты думаешь, будто любишь его. Или ты втайне любила его все это время?

Я попыталась покачать головой, но у меня не слишком хорошо получилось.

– Не знаю, – прошептала я. Мой голос стал тоненьким и дрожал. – Не помню.

– Эй, все нормально. – Пейдж уже улыбалась, глядя мне прямо в глаза. – Ты сочинила великолепную историю любви и поэтому не чувствуешь себя ребенком. Теперь это больше не секрет, поэтому можешь внести изменения в свою глупую запись. Я сама это сделаю. Вот так.

Она протянула раскрытую ладонь. Я подтолкнула к ней чистые листочки. Пейдж достала из сумки ручку и начала писать, сначала на моем листке, потом перешла на следующий, и на следующий, и на следующий. Исписав листок, она приклеивала его на стол передо мной. Закончив, Пейдж взяла сумку и вышла на улицу. К чаю она не притронулась.

Я начала читать надписи. Слова «*Купить молоко*» были зачеркнуты. На первом желтом листочке было написано: «*Я поцеловала Дрейка. Я люблю Дрейка. Это НЕ секрет. Мне нужно найти новую лучшую подругу*». На втором: «*Пейдж больше никогда не будет говорить со мной. Больше никогда ей не звони, запомни это*», на третьем: «*НИКОГДА БОЛЬШЕ НЕ ЗВОНИ ПЕЙДЖ И НЕ ПИШИ ЕЙ*».

Я пила чай и смотрела на эти слова. Камешек лежал в моем кармане, предательски «подглядывая».

– Я помню, – сказала я, обращаясь к тому месту, где сидела подруга. – Я помню.

Дома царил суматоха. Ссора с Пейдж не выходила у меня из головы. Мама не ждала меня у окна, как обычно. За входной дверью стоял чемодан. Я услышала шаги наверху. В доме ощущалось деловое настроение, атмосфера изменилась.

– Ау! – позвала я, сбрасывая туфли. Я гадала, что значит этот чемодан: кто-то приехал или кто-то уезжает? Может быть, Дрейк приехал. Или они вышвыривают меня из дома.

Я собрала с коврика у двери рекламные листовки: доставка пиццы, летний сезон в парке развлечений Фламбардс, где есть американские горки, педальные вертолеты, карусели. Я хотела поехать туда. Эту листовку я сунула в карман, где лежал камешек.

Мне хотелось рассказать родителям, что я кое-что помню, однако я не могла признаться, что поцеловала парня Пейдж. В доме явно происходило неладное, и я испугалась, что Пейдж позвонила и открыла им мой секрет.

Папа спустился с лестницы, перепрыгивая через две ступеньки.

– Флора! – воскликнул он и повернулся к двери наверху. – Энни! Флора пришла! – крикнул он и снова повернулся ко мне. – Давайждемся маму.

У меня веселый и милый папа. Он работает бухгалтером. Дома он ходит в узорных джемперах, которые вяжет сам. Его волосы стоят дыбом, если мама их не пригладит. Папа говорит забавные вещи. Он все для меня сделает, и я это знаю. Я тоже сделала бы для него все, если бы могла сделать хоть что-нибудь. Когда я его вижу, испытываю облегчение. Он мой дом.

Но в ту минуту он выглядел встревоженным. Я посмотрела на ладони и руки, гадая, что такое важное я забыла.

– Мы переезжаем? – рискнула спросить я.

Папа слабо улыбнулся.

– Нет. Нет, дорогая, мы не переезжаем. Энни!

Мама торопливо спустилась, едва не упав на нас. Длинный кардиган волочился за ней, волосы завивались и были в беспорядке.

– Флора, дорогая! Ох, Флора, милая. Как дела у Пейдж? Ладно. Почему бы нам не выпить чаю?

Она посмотрела на мои руки, и я вытянула их, показывая, что на них нет новых записей. Желтые листки, исписанные Пейдж, лежали в моей сумке, и я испытала облегчение от того, что родители ничего не узнали. Они бы запаниковали, попытались поговорить с Пейдж и сгладить конфликт, как будто я была маленьким ребенком, не отвечающим за свои поступки. Я больше не маленькая девочка. Мне семнадцать.

Дрейк заставил меня все помнить. Я открыла было рот, чтобы сказать родителям об этом, но сразу его закрыла. Я не хотела, чтобы они узнали, что я поцеловала парня на пляже. В этом доме я маленькая девочка, а маленькие девочки не целуются с парнями на пляже.

Я помнила, что сделала. Я цеплялась за этот факт. Я поступила плохо, но поцелуй был моим, и он был настоящим. Этот поцелуй не исчез. Он оставался в моей голове. Я помню это, потому что люблю Дрейка. Я сжала камешек в кармане, уверенная: если я потеряю его, то потеряю и память.

– Я поставлю чайник, – сказала я маме.

– Спасибо, дорогая.

Я вскипятила воду и заварила чай в чайнике в горошек, который у нас с тех пор, когда я

была совсем крошкой. Я поставила его на стол, достала из холодильника молоко в пластиковой бутылке и расставила любимые кружки всех членов семьи. На дверце холодильника висел лист формата А4 с фотографиями кружек. Каждое изображение было подписано. Думаю, я сделала это сама. Моя любимая кружка, по всей видимости, розовая в горошек, это самая скучная кружка в мире. На маминой написано: «Лучшая МАМА на свете» и нарисована мультяшная женщина в фартуке. Папина – с портретом бородатого мужчины и надписью: «Уильям Шекспир». Я готова была поспорить, что это не наши любимые кружки, но я все равно достала именно их.

Я ощущала слова Пейдж сквозь ткань сумки. Не нужно было проверять, чтобы узнать, что там написано. Пока нет. Эти слова жгли мне кожу.

– Флора, – сказал папа, как только мы сели за стол. Обычно он никогда не начинал разговор первым. – Послушай, кое-что непростое должно произойти.

Я положила перед собой блокнот, ручку и смартфон, потому что могла держаться за них, как за соломинку.

Мама обхватила кружку и молчала. Она даже не предложила нам печенье.

– Ты знаешь Джейкоба? – спросила мама.

– Я люблю Джейкоба! Джейкоб – мой брат. Где он?

Я повернулась в ту сторону, куда смотрели родители, – на стену с фотографиями.

Увеличенные снимки – мои, мамы, папы и мальчика – все приклеены скотчем. Под изображениями были написаны наши имена. Под мальчиком: «Джейкоб (брат)».

Я знала Джейкоба. Его я любила больше всех на свете. Он был старше меня. Обычно он подхватывал меня на руки и носил по дому, позволял смотреть телевизор, сидя у него на коленях. Я очень хорошо помнила, как он разрешил покрасить ему ногти на ногах.

– Он во Франции, – продолжала мама. Она говорила очень быстро. – Ты знаешь, что Джейкоб старше тебя. Знаешь ведь, правда? Ему двадцать четыре года. Сейчас он живет во Франции, и мы редко с ним видимся. Но Джейкоб очень тебя любит. Больше, чем нас.

– Двадцать четыре? – Я нахмурилась, глядя на фото. Темноволосый мальчик привлекал изящной худобой. Он выглядел моложе двадцати четырех лет.

– Это старый снимок, – сказал папа. – Да, сейчас ему двадцать четыре. Мы не виделись с ним несколько лет. – Он посмотрел на меня, проверяя выражение моего лица, потом продолжил: – Мы получили известие о нем. Джейкоб в больнице: он очень болен. Мы должны поехать к нему, Флора.

Я старалась вникнуть в смысл слов отца.

– Если вы давно его не видели, откуда тогда знаете, что брат меня любит? Я знаю, что люблю его, потому что это помню.

– Мы просто знаем, и все, – ответила мама. – Но это не главное. Мы должны поехать и навестить его в больнице.

– Мы едем во Францию? Так вот почему внизу стоит чемодан! Мы уезжаем из дома? Мы едем на встречу с Джейкобом?

Я никогда не уезжала из дома, понятия не имела, как выглядит Франция, если не считать смутного представления об Эйфелевой башне.

– Нет, ты не едешь, – произнес папа, а мама выпила полчашки одним глотком. Она сильно нервничала. – Мы едем, а тебе придется остаться дома. Это лучшее место для тебя. Франция стала бы чересчур большим испытанием, а нам необходимо сосредоточиться на

Джейкобе. Путешествие будет слишком тяжелым, и тебе ни к чему привыкать к новому месту. Здесь тебе лучше.

– Но я хочу увидеть Джейкоба! Я хочу поехать с вами!

– У тебя нет паспорта, – объяснила мама. Ее голос звучал странно. – Если ты останешься здесь, будешь в безопасности. Мы дадим тебе деньги. Я вчера говорила с Пейдж, как раз перед тем, как ты отправилась на ее вечеринку. Она поживет у нас и присмотрит за тобой. Я приготовила для нее свободную комнату. Запомни: если тебе что-то понадобится, не ходи к миссис Роуи. Она в последнее время соображает еще меньше тебя, и одному богу известно, что вы вдвоем можете натворить. Рассчитывай на Пейдж, и с тобой все будет в порядке. Я забью холодильник едой, да и вернемся мы быстро. Я буду отправлять тебе сообщения каждый день с напоминанием вовремя принять лекарство. Я разрешаю тебе выпить лишнюю таблетку на ночь, чтобы ты хорошо спала и не волновалась. Если забудешь, где находишься, Пейдж тебе подскажет.

– О! – Я подумала об этом неожиданном предложении. Пейдж не станет жить в нашем доме и не скажет мне, где я нахожусь. Ведь она со мной не разговаривает, потому что я поцеловала ее парня. Наш разговор оставался в моей памяти, но я ничего не сказала родителям. Я решила остаться дома одна.

Я записала все, что они мне сказали, потом сфотографировала страницу: Джейкоб болен, мне хочется увидеть его, но у меня нет паспорта. Оставшись одна, я могла бы думать о Дрейке весь день напролет. Я могла бы сидеть дома и вспоминать наш поцелуй. Я могла бы дойти до пляжа, где все это случилось, и никто не спросил бы, куда я иду. У меня был поцелуй – островок в памяти, и мне хотелось провести как можно больше времени с этим воспоминанием на тот случай, если потом я все забуду.

Идея привела меня в восторг.

– На сколько вы уезжаете?

Я увидела, что мама чуть расслабилась.

– Мы забронировали отель на пять дней. Что бы там ни происходило, мы сможем все уладить и вовремя вернуться. Если кому-то из нас придется поехать еще раз, мы это сделаем. Мне нестерпимо расставаться с тобой, дорогая, но я думаю, что нам необходимо через это пройти.

Я кивнула и выпила чаю.

– Когда вернетесь, мы поедем во Фламбардс? – спросила я.

Мама откинулась на спинку стула, как будто мои слова ее шокировали, и закрыла глаза. Папа накрыл ее руку своей.

– Мы обязательно придумаем что-нибудь веселое, обещаю, – сказал он.

Я сидела за столом в знакомом доме, с людьми, похожими на моих постаревших родителей. Я посмотрела на руку: меня зовут Флора. Я должна быть храброй. Я не помнила, что произошло, или о чем мы говорили, или что я делала минуту назад.

Я знала, что поцеловала Дрейка на пляже. Он попросил меня провести с ним ночь. Я не была маленькой девочкой. Волны разбивались о берег. Было темно, и лунный свет отражался в воде. Я любила Дрейка.

Я сунула руку в задний карман джинсов и проверила, на месте ли волшебный камешек, который помогал мне не забывать. Камешек не исчез. Я не стала его доставать. Хотелось сказать родителям, что у меня есть воспоминание. Я открыла было рот, но потом подумала:

им незачем знать о том, что я целовала парня, и снова закрыла его.

В моем кармане оказалась еще и рекламная листовка. Я вытащила ее и положила на стол. Папа выбросил листовку в мусорное ведро, а я, видимо, достала. Я даже не успела прочесть, что было на ней написано.

Я взяла лист бумаги, лежавший передо мной, и прочла. Все молчали. Мама обняла меня за плечи.

– Все в порядке, – сказала она. – Ты дома. Мы только что сказали тебе, что должны поехать в Париж, чтобы увидеть Джейкоба. Он очень болен, и мы нужны ему. Ты останешься здесь на несколько дней. К тебе придет Пейдж, чтобы составить компанию.

Джейкоб был мой братом. Я помнила его. Он был добр ко мне, когда я была маленькой. Он заболел, и родители поедут навестить его. Пейдж придет в наш дом, поживет у нас и присмотрит за мной.

Это замечательно.

– Договорились? – спросила мама. – Ты все усвоила? Итак, мы уезжаем завтра рано утром. Наш рейс из Эксетера^[4] в Париж в одиннадцать. Запиши это, или я могу, если хочешь. Мы поедем в аэропорт на машине.

Родители не любили водить машину, хотя она у нас была. Автомобиль стоял на дороге позади дома, им никогда не пользовались. Не знаю, откуда я это точно знала. Должно быть, дело важное, раз они решились сесть за руль.

– Я попросила Пейдж прийти в девять часов. Но это лучше проверить. Ты бы позвонила ей прямо сейчас. Или хочешь, я позвоню?

– Нет, все в порядке, я поговорю с ней, – ответила я. – Хорошо, что она поживет у нас.

Я поцеловала парня Пейдж. Но я не должна была признаваться в этом маме.

– Обещай оставаться на связи.

– Да, обещаю.

– Пиши сообщения, – добавил папа. – Мы не сможем ответить, только пока летим: в самолете заставляют выключать мобильные телефоны.

– Или мы будем вне зоны доступа, – продолжила мама. – Я проверила международное покрытие – телефоны будут отлично работать во Франции. Когда мы вернемся, останется достаточно времени до твоего дня рождения. Его мы не пропустим. Не забывай заряжать смартфон. Проверь сообщения.

Я встала, отодвинув стул. Он опрокинулся и упал: пришлось совершить неловкий маневр, поднять стул и поставить.

– Со мной все будет в порядке, – сказала я родителям. – Я замечательно проведу время одна. С Пейдж. Мне будет хорошо. Я позвоню ей прямо сейчас, о'кей? Не беспокойтесь об этом. Позвольте мне самой позаботиться о моей няньке.

Мама улыбнулась.

– Разумеется, дорогая. Перед отъездом я оставлю для тебя записочки по всему дому, хорошо? Чтобы ты ничего не забывала. Если Пейдж поживет с тобой, я не буду сильно волноваться.

– Волнуйся о Джейкобе, а не обо мне. Что с ним случилось?

– Мы не знаем, – сказал папа.

Когда я позвонила Пейдж, она не ответила.

В своей спальне на стене я нашла еще один снимок Джейкоба. Мальчик, которого я помнила, стоял в саду в футболке с надписью: «Гранд-Каньон, штат Аризона» – и держал за руку маленькую белокурую девочку в голубом платье. Если верить надписи под фотографией, то этой девочкой была я.

Мы с Джейкобом позировали в саду этого самого дома, но только там были качели. Мне бы хотелось, чтобы они стояли в саду до сих пор. Пожалуй, я могла бы попросить родителей купить качели.

Остаток дня мама провела за готовкой, хотя с этим я могла справиться самостоятельно. Но она беспокоилась, что я не выключу духовку или оставлю газ, который заполнит весь дом, а потом зажгу спичку. Мама разложила еду по контейнерам и блюдам, накрыв их фольгой. На каждую емкость она наклеила этикетку с названием дня, когда мы с Пейдж предположительно должны будем это съесть. Лазанью нам предстояло съесть в день их отъезда, карри – во вторник, рыбный пирог – в среду, макароны с сыром – в четверг и пиццу – в пятницу. Родители вернутся домой в субботу. В шкафу было полно хлеба и того, что можно положить на бутерброд. К тому же мама приготовила гигантскую кастрюлю супа, чтобы я ела его на ланч.

Я попробовала позвонить Пейдж, но потом увидела, что уже пять раз пыталась это сделать. Она не ответила. Затем от нее пришло сообщение: «Флора, прекрати звонить. Я не хочу говорить с тобой. Ты поцеловала моего парня. Оставь меня в покое».

Родителям я ничего не сказала.

Я погрузилась в воспоминание. Я так сильно любила Дрейка, что он сумел заставить мой мозг работать. Я сидела на пляже. Там были волны. Он подошел и присел рядом. Он сказал, что отдыхал в пабе и гадал: не ошибся ли, выбирая девушку. Он добавил, что я красивая и интересная. Я помнила наш разговор. Я цеплялась за него. Я могу запоминать. Я снова и снова повторяла про себя каждое слово.

Я нашла исписанные Пейдж желтые листки в сумке, разложила их по порядку и сфотографировала, чтобы запомнить: я не должна ей звонить. Как мне бы ни хотелось, я не могла написать это на руке, пока не уехали родители. Я настойчиво пыталась дозвониться до подруги, но в ответ получала сердитые сообщения. Раз от разу они становились все более грубыми.

Наконец наступил вечер. К отъезду родителей все было готово. Блюда на пять дней выстроились в холодильнике. Таблетки разложены в маленькие коробочки, на каждой прописными буквами написан день недели. Чемодан стоял у двери, родители проверили и перепроверили свои паспорта. Билетов на руках у них не было, потому что они покупали их онлайн. Но я знала, что они летят в Париж из Эксетера и выедут из дома в пять часов утра. Я знала об этом, потому что это было написано всюду, куда падал мой взгляд.

Мама повесила фартук, сняла повязку с волос и с натянутой улыбкой посмотрела на меня.

– Не пройтись ли нам на пляж, дорогая? – спросила она. – Глоток свежего воздуха Корнуолла мне бы не помешал. Мы бы с тобой погуляли перед отъездом.

Я надела туфли и плащ, остановилась на крыльце среди накопившихся там вещей: теннисных мячей, крикетной биты, выглядевшей очень старой, картонной коробки с моими тетрадами из начальных классов. Я отчаянно надеялась, что мы не столкнемся с Пейдж. Мне

будет замечательно одной, но я понимала: родители никогда не оставят меня одну, если узнают правду. Я хотела, чтобы они поехали к Джейкобу. Я планировала проверить, смогу ли существовать самостоятельно. Я хотела, чтобы мне позволили жить внутри единственного воспоминания.

Дверь за моей спиной была слегка прикрыта, поэтому я слышала, как родители говорят между собой приглушенными голосами. Они делали так всегда, если не хотели, чтобы я их слышала. Я решила было побольше приоткрыть дверь к ним и подслушать по-настоящему. Но как только я сделала шаг к двери, мама сказала:

– Нет, она определенно ничего не понимает. Пусть все так и остается.

Я застыла.

Я определенно ничего не понимала. Но все должно измениться, потому что я собираюсь все помнить. Родители явно от меня что-то скрывали. Я записала: «У М. и П. есть от меня секрет», и сунула листок в карман. Когда они уедут, я обязательно осмотрю дом и попытаюсь раскрыть тайну.

Я отошла от двери, сошла с крыльца и сделала несколько шагов по садовой дорожке, глядя на то место, где когда-то стояли качели.

Мама вышла на крыльцо. Она глубоко дышала. Я сделала вид, что не замечаю ее. Она подождала с полминуты или около того, потом жизнерадостно окликнула меня:

– Флора! Вот ты где. Давай пройдемся и посмотрим на море.

Она определенно ничего не понимает. Это была история моей жизни до Дрейка.

– Да, – ответила я, огляделась и замаялась. Если бы я сейчас спросила, чего не понимаю, мама бы мне не сказала. Поэтому пока не стоит поднимать эту тему. С этим я разберусь позже.

– Что случилось с Джейкобом? – спросила я.

– Мы не знаем.

Судя по всему, я спрашивала ее об этом миллион раз, потому что в мамином голосе прозвучало раздражение.

Мама ниже меня ростом и полнее. У нее густые кудрявые волосы, ничуть не похожие на мои – белесые и тонкие, без всякого объема. Я видела, как мама огорчена из-за Джейкоба, и мне захотелось позаботиться о ней. Но я не могла этого сделать: мама заботилась обо мне, так мы и существовали.

Море распласталось до горизонта в конце нашей улицы, но мы не пошли к нему, а направились в сад. Цветущий, великолепный, он рос напротив нашего дома. Райские тишина и покой окутали меня, словно одеялом.

– Почему вы перестали видеться с ним? – спросила я.

Мама дернулась и посмотрела на меня.

– С кем перестали видеться? – уточнила она, хотя прекрасно поняла, о ком я говорю.

– С моим братом... – Я не сразу вспомнила его имя. – Джейкобом.

– Ох, Флора, все было так сложно. И давно. Он был молод, упрям, думал, что лучше знает. И это было...

Она отвернулась.

– Свяzano со мной? – спросила я, уверенная, что именно так все и было. Что-то такое в мамином выражении лица говорило об этом.

– Нет, не совсем.

Мама быстро пошла к воротам сада, на которых табличка сообщала, что поджог – это преступление. Я поспешила следом. Я понимала: не нужно больше ничего спрашивать. Если она мне и говорила, то я уже забыла. Вероятно, мама говорила об этом уже миллион раз. Я наверняка ее раздражала.

Мы перешли улицу и остановились, облокотившись на парапет и глядя на море. Воздух был очень холодным, закатное солнце освещало все вокруг. Каждый камешек на пляже отбрасывал тень. Море сверкало, как зеркало, небо было безжалостно чистым и холодным.

Слева от нас располагался открытый плавательный бассейн. На него было приятно смотреть. Хотя я брала уроки плавания, когда была маленькая, сейчас я бы не решилась попробовать свои силы. За бассейном в воде, окруженный полоской земли, стоял сказочный замок, словно отдельный мир, безопасная закрытая бухта. Это мой мир: он всегда был моим.

Справа суша снова изгибалась.

Дрейк был далеко, там, где очень холодно, и куда он хотел поехать с десяти лет. Его курс читают на английском, и это хорошо, потому что в языках он полный ноль.

Я посмотрела на правую руку. *«Флора, будь храброй»*, – гласила надпись. Однажды я что-нибудь сделаю. Когда-нибудь.

– Мне будет этого не хватать, – сказала мама, глядя по сторонам.

– Вы вернетесь? – неожиданно для самой себя спросила я, не понимая почему.

Я чувствовала: мама на меня смотрит, но не отводит глаз от моря. Дрейк и я поцеловались недалеко отсюда, чуть левее. Прилив был высоким. Море подошло близко. Я помнила ощущение его губ на моих губах, запах водорослей. В тот момент я пожертвовала дружбой с Пейдж. И самое ужасное заключалось в том, что я бы повторила это еще сотню раз. Я сунула руку в карман джинсов. Камешек был на месте.

– Разумеется, мы вернемся, – услышала я мамин голос. – Флора, посмотри на меня.

Я медленно и неохотно повиновалась. Мама встретилась со мной взглядом, но выражения ее глаз я не поняла.

– Обещаю тебе: мы вернемся, – сказала она, пристально глядя на меня. – Мы сделаем то, что должны, и вернемся домой. Договорились? Ты посидишь тихонько, и мы вернемся. Никуда не ходи. Ничего не придумывай.

Я попыталась пошутить:

– К тому моменту, когда вы вернетесь, я буду очень толстой. Вы меня не узнаете. Ты мне оставила столько еды.

Я хотела, чтобы она знала: я помнила про приготовленную для меня еду. Я заметила, что маме приятно.

– Да, разумеется, ты все съешь. Ешь три раза в день, принимай таблетки утром и вечером и все время посылай мне сообщения.

– Конечно, не беспокойся.

– Позаботься о себе. Никуда не ходи!

Мама долго смотрела на меня, пока я не отвернулась к морю. Мы стояли рядом и смотрели на Атлантику. Я думала только о Дрейке.

Я сидела на полу и читала записи в блокноте.

Он был в твердом черном переплете с большим белым стикером на обложке, на котором было написано: «История Флоры. Читай это, если испытываешь растерянность».

Не мой почерк. Я была уверена, что это написала мама.

Ты Флора Бэнкс.

Тебе 16 17 лет, ты живешь в Пензансе, в Корнуолле. Когда тебе было десять лет, в твоём мозге выросла опухоль. Хирурги вырезали ее, когда тебе исполнилось одиннадцать. Вместе с болезнью исчезла часть твоей памяти. Ты помнишь, как делать многие вещи: заваривать чай, включать душ, и помнишь свою жизнь до болезни, но после операции ты потеряла способность запоминать.

У тебя антероградная амнезия^[5]. Ты запоминаешь что-то на пару часов, но потом все забываешь и теряешься. Ничего страшного: для тебя это нормально.

Если ты растеряна, посмотри на свои руки или записки, в свой смартфон и в этот блокнот. Они помогают тебе вспомнить, где ты находишься и что происходит. Ты научилась отлично записывать главное. Твое имя, написанное на руке, помогает не терять связь с реальностью. Ты всегда следуешь за своими подсказками, напоминающими, что происходит.

Ты помнишь нас, свою лучшую подругу Пейдж и тех людей, которых знала до операции. Других – забываешь, но это не страшно: окружающие знают тебя и все понимают.

Ты всегда жила в Пензансе: только здесь ты в безопасности. Этот город отпечатался в твоём сознании, здесь твой дом. Ты всегда будешь жить с нами, мы всегда будем заботиться о тебе. Все будет хорошо.

Ты замечательная, ты сильная. Ты не странная.

Ты очень хорошо читаешь и пишешь, замечаешь многие вещи лучше, чем обычные люди.

Мы всю жизнь будем следить за тем, чтобы ты ни в чем не нуждалась. Всегда принимай лекарства два раза в день.

Целую.

Мама

Я закрыла блокнот. Как я могла забыть, что у меня амнезия? Хотя как я могла об этом помнить?

Я знала, что мне семнадцать лет. Я поцеловала Дрейка. Я помнила в подробностях наш поцелуй. Я сидела на пляже. Он подошел и присел рядом. Мне было семнадцать тогда, мне семнадцать сейчас. Моя спальня не изменилась с тех пор, когда мне было десять: отделка в розовых и белых тонах, оборочки, игрушки. Куклы Барби, плюшевые мишки, конструктор «Лего»...

Слова из этого блокнота перестали быть для меня правдой. Теперь я кое-что помнила. Это воспоминание было не из той поры, когда мне было десять. Оно из настоящего, по моим

ощущениям. Я решила это проверить.

Я усадила игрушки в ряд на кровати: темноволосая Барби, машина «Скорой помощи» из набора «Лего», мягкая кукла по имени Филлис и серый Клювокрыл^[6]. Я набросила на них тонкое розовое покрывало и записала в блокноте: «Барби, «Скорая» из «Лего», кукла Филлис, Клювокрыл».

Потом сняла покрывало и проверила, запомнила ли я игрушки. Я знала, что не ошиблась: прошло слишком мало времени. Мне нужно было уйти из комнаты, вернуться спустя несколько часов и проверить.

Я снова накрыла их и вырвала страницу из блокнота. «Какие игрушки на кровати?» – написала я и оставила листок и ручку на полу у двери, чтобы написать ответ, как только вернусь в спальню.

Я поцеловала парня, я влюблена. Мне семнадцать, и мне не нужна детская. Это смешно. Я собрала плюшевых мишек, сунула их в коробку из-под «Лего» и поставила ее в угол комнаты, прикрыв простыней из корзины с грязным бельем. Это детские игрушки, а я больше не ребенок.

Я могла бы перекрасить комнату в белый цвет. У меня была бы простая и просторная, обычная комната, в которой может произойти что угодно.

Я сидела на полу, смотрела на прикрытую простыней коробку и вспоминала.

Сидя на полу, вероятно, на этом самом, я играю с машиной «Скорой помощи» из набора «Лего». Я нормальная маленькая девочка. Я болтаю с кем-то большим, кто сидит рядом. Он помогает мне отвезти куклу в больницу. Я счастлива. Это мой брат Джейкоб.

Мой первый день в школе. Мне страшно и волнительно – я встаю до рассвета, надеваю школьную форму и рюкзак. Подождав, сколько хватает терпения, я бужу родителей и брата. Они все ворчат на меня, потому что еще очень рано.

Я собираюсь вместе с родителями на прогулку. Я радуюсь: нас ждет парк развлечений. Я приплясываю от нетерпения, спрашивая у всех, можно ли уже сесть в машину. Не могу дождаться, когда мы туда попадем. Родители смеются и отвечают, что надо сначала позавтракать.

Я не помнила ни прогулку, ни парк развлечений, хотя мне бы этого хотелось. Фламбардс. Парк назывался Фламбардс.

Пришло время пить чай. «Мам?» – крикнула я, гадая, куда она подевалась. Мама не ответила. Посмотрев на записки, расклеенные по всем стенам, я поняла почему. Родители уехали, чтобы повидать Джейкоба – того взрослого из моего первого воспоминания. Он мой брат, он болен.

Я запаниковала. Мне нельзя оставаться одной. Я не хочу оставаться одна. Мне нужен кто-нибудь. Мне нужна моя мама. Мне нужен мой папа. Мне нужны люди вокруг. Если Джейкоб болен, ему следовало приехать домой, чтобы здесь о нем позаботились.

Я помнила, что поцеловала Дрейка на пляже, но ничего другого я вспомнить не смогла.

Я увидела записку с фразой, написанной моим почерком: «Какие игрушки на кровати?»

Я подняла простыню и увидела Барби, «Скорую» из «Лего», мягкую куклу по имени Филлис и гиппогрифа. Переписывая игрушки, потому что рядом с запиской лежала ручка, я понятия не имела, зачем это делаю. Мне стало так досадно, что я расплакалась.

Если я собираюсь справляться самостоятельно, то следует оставлять более понятные записки. Я перевернула страницу в книге и написала: *«Правила жизни Флоры»*, подчеркнув эти слова. Я попыталась придумать правила, но в голову пришло только одно: «Не паникуй». Я записала его.

«Не паникуй, потому что все, вероятно, в порядке, а если нет, то паника только ухудшит дело», – я перечитала первое правило. Оно выглядело разумным.

Я переходила из комнаты в комнату, разглядывая вещи. Я писала длинные записки и оставляла их в неожиданных местах, повторяя про себя, почему я осталась одна и сколько это продлится, гадая, почему этого не помню. Я расклеила записки вокруг фотографии Джейкоба, написав: *«Мама и папа с Джейкобом, потому что он болен»*, *«Не знаю, чем он болен, но это серьезно»*. Я переписала все сообщения, которыми обменялась с родителями, и расклеила их в ряд на стене кухни.

Я принимала лекарства, когда мне приходили напоминания от мамы: «Прими таблетки, дорогая». «Можем мы поехать во Фламбардс, когда вы вернетесь?» – спрашивала я.

Она не отвечала.

Я решила отправить сообщение Пейдж: ей следовало быть со мной, но дома я ее не нашла. Когда я набрала имя подруги на смартфоне, выскочило несколько сообщений. Пейдж требовала, чтобы я перестала ей звонить, потому что я поцеловала ее парня. Я устала на них. Мне снова стало страшно. Если родители уехали, Джейкоб болен, Пейдж меня ненавидит, а Дрейк на Шпицбергене, то у меня никого нет.

Пейдж мне больше не подруга. Я поцеловала ее парня на пляже: я знала, что это правда. Разумеется, она не желает меня видеть. Я смотрела и смотрела на сообщения Пейдж. Мы познакомились в наш первый школьный день, нам было по четыре года. У нас обеих волосы были заплетены в косички.

Я посмотрела на записку возле моей кровати: имя Дрейк на ней было обведено сердечком. Я нашла черный камешек, подошла к окну спальни и прижала его к губам. Дрейк дал мне этот камень. Я помнила. Я не забыла. Понедельник проходил, я никуда не выходила. Я вспоминала поцелуй. В любой момент воспоминание могло исчезнуть, поэтому я погружалась в него снова и снова, пока оно не стало реальней, чем окружающий меня мир. Когда я приходила в замешательство, забыв, почему осталась одна, я цеплялась за это воспоминание. Об остальном напоминали записки, расклеенные повсюду.

«Джейкоб болен, – говорилось в них. – Родители в Париже с ним. ОНИ ДУМАЮТ, ЧТО ПЕЙДЖ ЗДЕСЬ, НО ЕЕ ЗДЕСЬ НЕТ, ПОТОМУ ЧТО ОНА РАССЕРДИЛАСЬ НА МЕНЯ. ПЕЙДЖ МНЕ БОЛЬШЕ НЕ ПОДРУГА». Этот факт оказывался всюду, куда бы я ни посмотрела, он заполнял мою голову и заставлял плакать. Пейдж мне не подруга. Я должна сделать так, чтобы родители думали, что она со мной, и не волновались. Но ее нет рядом: она мне больше не подруга. Я это заслужила.

Между мыслями о Дрейке и воспоминаниями о поцелуе я играла на пианино «*Мерцай, мерцай, звездочка*»^[7], потому что разучила ноты, когда была маленькой. Я превратила мелодию сначала в песенку про алфавит, а потом в «*Бэ-э, бэ-э, черная овечка*»^[8]. Я

попыталась читать книгу, лежа в ванне. Потом постояла в центре каждой комнаты в доме, прислушиваясь к тишине.

В шкафчике под лестницей я нашла банку белой краски и начала красить свою спальню. Мне хотелось, чтобы она была белой, потому что это нормальный, взрослый цвет, а я хотела быть нормальным взрослым человеком. Я отодвинула кровать и коробку с игрушками на середину комнаты, простыней и тонким розовым покрывалом застелила паркет. Я перепачкалась краской, но результатом осталась довольна.

Я прилежно отвечала родителям на все сообщения, отправленные из аэропорта, потом из Франции, переписала время их прилета и тексты, что они присылали. Я не забывала говорить им, что Пейдж со мной. Я притворялась, будто мы смотрим телик. Они были рады это слышать. Я приняла лекарство. От дополнительной таблетки вечером мне сильно захотелось спать.

Я нашла записку со словами: *«У М. и П. есть от меня секрет»*. Мне это не понравилось. Я приклеила записку к стене и глядела на нее какое-то время. Потом я пошла в родительскую спальню, осмотрела их вещи в надежде разгадать тайну, но ничего интересного в них не оказалось, насколько я могла судить. Я перелистала страницы их книг на тот случай, если в них было что-то спрятано, заглянула в ящики. В одном из них с маминой одеждой я нашла стопку открыток, перетянутую резинкой. Это была коллекция из семнадцати моих поздравлений с Днем матери. На первой открытке был отпечаток моей ноги. На четвертой – мое имя, написанное неровным детским почерком. Следующие шесть тоже были написаны мной, почерк становился аккуратнее, а слова «Мамочке с любовью от Флоры» разборчивее. Следующую открытку написал папа. Затем снова были открытки от меня, но я не помнила ни одной из них.

Это не могло быть тайной – стоило продолжить поиски.

На ланч я съела суп, на обед – половину лазаньи. Каждый раз я наполняла кухонную раковину горячей мыльной водой, мыла посуду и убирала ее. Если бы я складывала тарелки в посудомоечную машину, они бы неприятно пахли. Я выпила две чашки кофе, три чашки чая и много воды, а потом отправилась спать в мою выкрашенную наполовину в белый цвет спальню. Казалось, я была занята целый день, поэтому у меня не осталось времени, чтобы выйти на улицу. Мне нравился запах краски. Надо было не забыть докрасить комнату.

Жизнь в одиночестве должна была стать замечательной. Большую часть времени я жила в своем единственном воспоминании.

Я лежала в кровати и читала все, что написала о Дрейке. Он уехал из страны. Он в Арктике. Я попыталась представить его там, но видела только темноту и снег. Я гадала: есть ли там магазины. В моем представлении на Северном полюсе не было магазинов или других зданий, но Дрейк ведь поехал не туда. Он в университете на Шпицбергене, а в университете должны быть еда и кровати.

Его курс читают на английском. Я знала это, потому что Дрейк рассказал мне, а я это запомнила.

Засыпая, я представляла, каково это – быть нормальной. Я воображала, что мою голову заполняют ясные воспоминания. И все они аккуратно хранятся, чтобы можно было перебирать их, когда захочется. Я и мечтать не могла о такой роскоши и уснула в слезах, оплакивая все, что пропустила. Я надеялась: проснусь и буду помнить.

Ночью я внезапно проснулась. Мое сердце гулко билось, я села в кровати, оглядываясь

по сторонам. В доме царил полная тишина, казавшаяся живым существом.

Моя рука дрожала, когда тянулась к ночнику. Я поцеловала Дрейку на пляже, мне семнадцать лет, но было что-то еще. Я искала выключатель. Что-то было не так. Я выбралась из постели, слишком напуганная, чтобы еще хотя бы одно мгновение оставаться в темноте. Кровать стояла посреди комнаты, поэтому я и не смогла найти выключатель. Пахло краской. Мои ступни липли к полу. Я вышла на площадку лестницы, ощутила под ногами старый ковер, сбегала вниз, перепрыгивая через ступеньки, и распахнула дверь в спальню родителей. Я знала, что при виде мамы или папы я успокоюсь. Я медленно вошла в комнату, чтобы не разбудить их. Узкая полоска света проникала в щель между шторами и падала на кровать. Она была застелена, в ней никто не спал.

Родителей не было. Паника нарастала, готовая раздавить меня. Я бросилась к стене, нащупала выключатель, моргнула от резкого света и огляделась по сторонам в поисках подсказок.

Я не смогла снова заснуть. Я осталась одна, и в стране нет никого, кто об этом знает и кому не все равно. Пейдж знает, но ей все равно.

Я могла бы сделать что угодно, но решила спуститься вниз, заварить себе чай, отнести чашку к себе в постель и попытаться почитать книгу.

Я могла бы уйти из дома и отправиться туда, куда захочется. Могла бы, но не стала.

Я включала свет в комнатах, читала записки, которые мы с мамой оставили по всему дому, и действовала по инструкции. Сначала проверила, заперта ли входная дверь (заперта, цепочка накинута), заперта ли задняя дверь (тоже заперта). Потом я поставил чайник на плиту и, дожидаясь, пока вода закипит, прошлась по кухне, читая записки. Многие были написаны моим почерком, в них говорилось о Дрейке. Я знала, что поцеловала его. Это воспоминание сияло в моей голове, ясное, четкое, реальное, выделяясь на туманном фоне всего остального.

Было четверть третьего. Большинство жителей Пензанса спали. В моем распоряжении были дом и целый мир. Я села за большой компьютер, которым пользовались родители, и устала на него в состоянии какого-то транса, гадая, как поступить.

Должно быть, я ненадолго задремала, потому что вздрогнула и проснулась: я сидела перед компьютером, и мне пришлось снова все вспоминать. У меня было ощущение, что пора вернуться в постель. Я взяла ноутбук, потому что на нем был стикер с надписью «*Ноутбук Флоры*», и понесла его наверх, держа под рукой. В другой руке я несла кружку с чуть теплым чаем.

Стены в спальне были выкрашены наполовину в белый цвет. Паркет был застелен простыней и покрывалом, забрызганными краской. Фотографии с подписями занимали большую часть оставшейся розовой стены.

Рядом с кроватью лежало что-то странное, прикрытое простыней. Я подняла ее и увидела коробку с игрушками. Мне не нужна коробка с игрушками: я поцеловала парня на пляже, мне семнадцать лет. Я подняла коробку и выставила ее на площадку лестницы. Я собиралась перекрасить оставшуюся часть комнаты. Мне хотелось, чтобы спальня была белой, нормальной комнатой. Я одобрила задуманное, догадываясь, что сама начала перекрашивать комнату.

Я как раз открыла страницу Википедии, чтобы прочитать о Шпицбергене, когда пришло

электронное письмо. Я не знала, что получаю электронные письма. Только красная цифра 1 рядом с иконкой в виде конверта заставила меня кликнуть. Увидев имя, я перестала дышать.

Письмо было от Дрейка.

Флора, я не могу перестать думать о тебе.

Я перечитывала эту строчку снова и снова. Всего восемь слов, но это были лучшие восемь слов в мире. Я переписала их множество раз и расклеила записки по всей спальне.

Дрейк заставил меня помнить. Возможно, я запомню и это.

Я была рада тому, что одна дома. Если бы родители были здесь, то, чувствуя себя в безопасности, я бы не додумалась включить компьютер без двадцати минут три ночи.

Я перечитывала и перечитывала эти восемь слов. Я любила Дрейка, и вот он написал мне письмо. Он не мог перестать думать обо мне, и я не могла перестать думать о нем. Я едва сумела напечатать ответ: мне отчаянно хотелось рассказать Дрейку, что он заставил меня помнить.

Подобрав подходящие слова и расставив их в правильном порядке, я отправила письмо. Утром мне обязательно следует проверить почту. Я легла и принялась представлять Дрейка в его новом странном доме. Я представляла его в холодном, мрачном месте с домами из снега и льда. Жизнь спартанская. Я задумалась: смогу ли отправить ему по реальной почте что-нибудь нужное. Может быть, мне удастся собрать для Дрейка посылку с вещами из Корнуолла, которые ему пригодятся.

Я решила утром пойти на пляж: найти там второй черный камешек и отправить его Дрейку.

Проснулась я поздно. Солнечные лучи проникали через тонкие занавески и ложились на кровать. Я перевернулась на бок, закуталась в розовое одеяло и зевнула. Стены были наполовину выкрашены в белый цвет, а моя кровать стояла посреди комнаты. Было без четверти одиннадцать.

Я была совершенно сбита с толку, мое сердце застучало громче и быстрее. Я не знала, почему лежу в кровати, которая стоит посреди комнаты, поэтому прочитала надпись на руке. Потом прочитала записки в блокноте, лежавшем у кровати. Я изучила все листочки, приклеенные на розовой стене. Я Флора. Мне семнадцать лет. Я заболела, когда мне было десять лет, у меня антероградная амнезия. Я поцеловала Дрейка на пляже. Пейдж ненавидит меня. Я сама по себе.

Дрейк написал мне: *«Флора, я не могу перестать думать о тебе».*

Ноутбук лежал на полу. Через секунду я уже сидела в кровати и смотрела на него. Я перечитала ответ, который написала Дрейку среди ночи. Он оказался короче, чем я думала. Я решила, что это хорошо. Но мое письмо все же было длиннее, чем послание возлюбленного. Я убрала волосы за уши и начала читать, надеясь, что ничего ужасного не написала.

Дорогой Дрейк!

Я очень рада твоему письму. Я никогда не думала, что такое случится. Я тоже не могу перестать думать о тебе! Произошла удивительная вещь: я ничего не забыла! Я помню, как мы сидели рядышком на пляже и на нас наступал прилив.

Я помню каждое наше слово, твое и мое. Я помню, как целовала тебя. Я ничего не забыла. Все остальное сразу вылетает у меня из головы, но поцелуй остался. Я не могу перестать думать о тебе.

Мне следовало бы уйти с тобой на всю ночь. Как бы мне хотелось вернуться назад и поступить иначе. (Видишь? Я действительно помню.)

Пейдж больше не хочет быть моей подругой, потому что она знает о поцелуе. Я забыла об этом, но потом записала. Мне стало грустно, но я ее не виню.

Мои родители улетели во Францию: мой брат Джейкоб, живущий там, болен. Я дома одна до субботы. Вот почему я сижу за компьютером посреди ночи.

Расскажи мне побольше о Шпицбергене. Я помню, как ты поехал туда, когда тебе было десять лет, чтобы увидеть полуночное солнце. Теперь тебе девятнадцать, и ты уехал, чтобы там жить. Расскажи мне обо всем остальном.

Флора

Мне очень хотелось, чтобы Дрейк ответил сразу, ночью. Я смотрела на папку «Входящие», приказывая письму появиться. Я понятия не имела, в каком часовом поясе находится Северный полюс. Возможно, мне стоило спросить об этом Дрейка. В любом случае с момента отправки моего письма прошло девять часов – он наверняка увидел его, но не ответил.

Я взяла ноутбук с собой, когда пошла вниз варить кофе. Мама прислала сообщение: «Таблетки, дорогая», поэтому я их приняла. Я убедилась, что громкость настроена на максимум: когда придет письмо, компьютер пискнет очень громко. Я не стала включать радио, хотя в отсутствие родителей могла бы послушать любую музыку, какую захотела.

Я правда могла бы включить радио на полную мощность: сделать музыку громче и потанцевать на кухне. Пусть Дрейк на Северном полюсе и не отвечает, ничто не изменит того факта, что он не может перестать думать обо мне.

Дрейк был для меня в тот момент единственным человеком в мире. Его обучение на Шпицбергене могло занять год, два или даже три. Я этого не знала. Но потом он мог вернуться домой. Или мы вместе могли уехать куда-то. Мы могли бы жить вместе. Мы могли бы пожениться. Я могла бы стать его женой. Миссис Флора Эндриссон. Ему девятнадцать, мне семнадцать – мы достаточно взрослые для брака. Он бы мог присматривать за мной, а я, по-своему, присматривать за ним. Я бы ничего не забывала, потому что я была бы рядом с Дрейком.

Я не чувствовала себя ребенком.

Дрейк заставил меня помнить. Благодаря ему я могла стать нормальной. Я должна прожить с ним всю жизнь, потому что он заставляет мою память работать.

Я сделала кофе, положила несколько ломтиков хлеба в тостер и стала смотреть на экран ноутбука, пытаясь одним лишь усилием воли заставить его пискнуть, оповещая о поступлении нового письма.

Но ничего не происходило. Через некоторое время я улеглась на диван, включила телевизор и задремала.

Я проснулась словно от толчка и поняла, что проспала целый час. Я метнулась к ноутбуку. Дрейк ответил. Меня ожидало новое электронное письмо.

Лишь секунду я не позволяла себе прочесть его, потом уселась перед экраном и «проглотила» письмо на одном дыхании.

Флора!

Серьезно? Ты помнишь? Это невероятно, это потрясающе.

Ты говорила с врачом? Значит ли это, что ты начинаешь выздоравливать?

Как ты справляешься без родителей? Удивительно: твоя мама чрезмерно оберегает тебя, и она оставила тебя одну? Надеюсь, с твоим братом все будет в порядке.

Твое письмо заставило меня представить, что могло случиться, но не случилось. Ну почему я не попросил тебя еще раз пойти со мной? Мы могли как-нибудь это устроить. Я провел больше времени, чем можешь подумать, представляя, как ты выглядишь обнаженной.

Я тебя не обидел этими словами? Обидел, конечно. Прости, пожалуйста. Я постоянно думаю о тебе, но не могу даже увидеть тебя. Я не ожидал, что так получится. Но если твоя память восстанавливается, то многое может произойти.

Когда возвращаются твои родители? Будь осторожна. Не забывай есть и все такое. Продолжай помнить!

Дрейк

Я снова и снова перечитывала письмо, и каждый раз меня шокировало, что Дрейк хочет увидеть меня обнаженной. Волна жара накрывала меня с головы до кончиков пальцев, я «краснела» до корней волос, хотя была одна. Я не знала, как справиться с тем, что он написал. Я постаралась запомнить его письмо (это казалось мне возможным), а потом распечатала нашу переписку и аккуратно убрала ее в папку.

Он провел больше времени, чем я думала, представляя меня обнаженной. Я закрыла глаза и попыталась это осознать. Ощущение пугало. Мне больше не десять лет.

Дом изменился: перестал быть пустым, не считая поселившейся в нем удушающей тишины. Он превратился в магическое место. Казалось, сверкает каждая поверхность. В воздухе повеяло волшебством.

Я переписывалась с Дрейком, и день превратился в ночь, а ночь – в день. Дрейку нужно работать на своей спутниковой станции, но, как только у него появляется возможность, он бросается к компьютеру и пишет мне. Я снова и снова отвечала ему, чтобы послания накопились к тому времени, когда он сможет их прочесть. Его ответы мерцали и золотились.

Письма становились все откровеннее. Если в одном Дрейк написал, что представляет меня обнаженной, то в следующем – что бы ему хотелось сделать с моим обнаженным телом. Я изо всех сил старалась отвечать правильно. Понятия не имея, как вести подобный разговор, я написала, что думаю, и надеюсь, что это нормально. Его идеи были странными и новыми, но они мне нравились. Мои слова появлялись на экране в снежном краю, и Дрейк отвечал при первой же возможности. Это опьяняло. Каким-то образом я все делала правильно.

«Нет ничего такого, – оказывается, написала я, – что люди делают вместе, чего бы я не

захотела делать с тобой, если бы ты попросил».

Как только я это написала, то попробовала оценить свои слова и мгновенно представила людей за самыми ужасными занятиями. Я совсем не это имела в виду. Но послать вдогонку письмо с уточнением было бы неромантично. Я начала было писать это, но передумала и все стерла. Оставалось надеяться, что Дрейк поймет смысл, который я вложила в эти слова.

Иногда я обнаруживала себя перед монитором большого родительского компьютера, читающей выбранные наугад интернет-страницы и гадающей, что я там делаю. Мои электронные письма хранились в ноутбуке. Наверное, я перемещалась к большому компьютеру, не замечая этого, в тот момент, когда начинала беспокоиться о родителях. Они периодически слали мне сообщения, извещая, что они в порядке, но Джейкоб очень болен, и тяжело приходится всем. Я отвечала жизнерадостно, просила не тревожиться обо мне. Они спрашивали о Пейдж, но я помнила, что подруга меня ненавидит (это было написано всюду). Поэтому я написала родителям, что она потеряла телефон, и посылала им сообщения от ее имени.

Потом я нашла записку со словами: *«Я сказала маме, что Пейдж потеряла телефон. Это для того, чтобы они ей не звонили»*. Пару раз я точно говорила об этом маме, а может, и больше.

Моя память не улучшилась. Но я помнила поцелуй и цеплялась за это.

Во вторник я не съела карри, оставленное мамой в герметичном контейнере с надписью «Съешь это во вторник». Я съела несколько тостов и банан. Из дома не выходила, потому что выйти из дома означало оставить компьютер. Я сидела и пялилась на него. Не смотрела в монитор, только когда бегала в ванную или ставила чайник. Я приняла таблетки, когда мама прислала сообщение.

Среда. Мне следовало принять душ. Но принять душ значило оставить ноутбук в сухом месте. Я не могла это сделать. Я носила его из комнаты в комнату, целый день ходя в пижаме, и смотрела на экран. Я писала длинные письма, редактировала их и отсылала. Короткие письма тоже писала. Я любила Дрейка и сказала ему об этом. Он ответил, что тоже любит меня. Он тоже любит меня... Я встала обнаженная перед большим зеркалом и посмотрела на себя его глазами.

Я помнила наш поцелуй. Воспоминание задержалось в моей голове. Остальные вещи приходили и уходили, но поцелуй оставался.

В среду мы больше говорили о сексе. Пока ко мне не вернется память, отношения, доступные другим людям, не для меня. Дрейк попросил провести с ним ночь, и я сразу же ответила, что не могу это сделать из-за мамы. Потом я пожалела об этом. Странная вещь – сожаления. Пожалуй, ничего подобного я раньше не испытывала.

«Я бы все отдала, – написала я, – за возможность снова поцеловать тебя, прикоснуться к тебе, почувствовать твои руки на моем теле». Слова полились, не подвергнутые цензуре, наполовину нелепые.

На волю вырвалось то, о существовании чего в себе я даже не подозревала.

«Мне бы хотелось, – продолжала я, – ответить правильно в тот момент, когда ты попросил меня провести с тобой ночь. Я бы отдала что угодно за то, чтобы ты был со мной здесь, в постели, где я лежу сейчас. Я все бы отдала».

«И я бы отдал все, чтобы быть там, – ответил он. – Чтобы проснуться рядом с тобой,

дотронуться до тебя. Твое тело совершенно. Я знаю это. Если бы просьба не была такой неприличной, я бы попросил прислать мне твою фотографию».

Этого я сделать не могла. Сфотографироваться обнаженной – идея невозможная, и я ему об этом написала. Я бы никогда не осмелилась сделать свое фото и прикрепить его к письму. Я бы не смогла.

«Тебе придется просто представить, – добавила я. – Возможно, когда-нибудь... ты знаешь».

«Надеюсь на это, – ответил он. – Когда возвращаются твои родители? В субботу?»

«Они мне так сказали. Какой сегодня день? Среда?»

«Четверг. У тебя еще два дня до того, как кто-то спросит тебя, что ты делаешь за компьютером все это время».

«Им нравится, когда я сижу за компьютером. Это значит, что я в безопасности».

В его ответе отчетливо прозвучало удивление, когда он спросил:

«Они знают об Интернете? Большинство родителей не хочет, чтобы их дочери разговаривали с мужчинами онлайн».

«Это для десятилеток, – напомнила я ему. – А мне семнадцать».

Я смирилась со словами «Я поцеловала Дрейка». Я помнила об этом. Я поцеловала его на пляже накануне вечером, и, хотя я наверняка спала с тех пор, каждая деталь отчетливо сохранилась в моей памяти. Мне хотелось остаться в этом воспоминании, жить там вечно. Я ощущала тепло и сияние. Я любила Дрейка. Он сказал: «Мне бы хотелось провести с тобой ночь».

А я ответила: «Но моя мама...»

Я потянулась к ближайшей ручке: записать воспоминание, пока оно не исчезло. Я не могла этого допустить ни в коем случае. Моя кровать стояла посреди спальни. Стены были наполовину выкрашены белой краской.

Я посмотрела на записки, которые оставила рядом с кроватью.

И вот что я выяснила.

Хотя я не забыла поцелуй, я не могла вспомнить ни одного события, произошедшего с тех пор. Это было ужасно.

Мама и папа во Франции.

Мой брат Джейкоб очень болен.

Я решила покрасить мою спальню в белый цвет.

Пейдж больше мне не подруга. Она знает, что я поцеловала Дрейка.

Дрейк в Арктике. Мы переписываемся по электронной почте.

Я посмотрела на фотографии в смартфоне, перечитала все записи. Я прочитала письма, которые прислал Дрейк. Когда я на них смотрела, от него пришло новое сообщение.

Прости, Флора.

Должен уехать из города на спутниковую базу на Северном полюсе, чтобы провести исследования. Иначе меня выкинут из университета еще до начала обучения. Спутники расположены вдали от города, связи там нет, не говоря уже о Wi-Fi. В любом случае тебе надо готовиться к приезду родителей. Я напишу тебе завтра ночью в твоё время.

«О'кей, – ответила я, тщательно подбирая слова и надеясь, что они прозвучат правильно. – Береги себя. Я люблю тебя».

Я закрыла ноутбук и огляделась. Если верить всему, что я прочла, этот дом был заколдованным раем любви долгие дни. Это было потрясающее место, новая сверкающая вселенная. Все было безупречным, совершенным.

Я поцеловала Дрейка много дней назад, но воспоминание об этом сохранилось в моей голове. Я не знала, почему, но хотела это узнать. Должно быть, потому что я его любила. Или это из-за камешка. Надо спросить врача: возможно, это начало моего выздоровления. Я попытаюсь найти врача и выяснить. Я написала себе напоминание.

Я спустилась, стараясь осознать реальность. Я любила Дрейка. Я писала любовные письма на компьютере и получала любовные письма в ответ. Мой дом – заколдованное место. Мне семнадцать лет, и я влюблена в парня. Раньше мне было десять лет, но я выросла.

Я думала об этом, когда вошла в кухню и остановилась, не в силах двинуться, неспособная дышать.

Нас ограбили, пока я спала. Кто-то пробрался в мой счастливый мир мечты и изуродовал его.

Мысли мелькали и исчезали прежде, чем я успевала ухватиться за них. Комната не выглядела как обычно. Она смотрелась неряшливо. Воняло, валялись крошки, всюду стояли грязные тарелки: их даже не потрудились сложить в раковину.

Все было залито кофе: засохшие лужицы остались там, где их разлили, коричневые круги были почти на всех поверхностях.

Нет, это не дело рук грабителя. Мое сердце забилось ровнее: все это натворила я. Дом не заколдован. Мне не стоило писать неправду.

Я не нашла никаких доказательств того, что покидала дом после воскресенья, когда, судя по всему, ходила на пляж с мамой. Я выбежала в прихожую и посмотрела на себя в большое зеркало. На меня глядела неухоженная незнакомая девушка. Грязные волосы прилипли к голове. Пижама давно не менялась. Я чувствовала собственный запах. Должно быть, его чувствовали и соседи. Эта вонь долетала даже до моих родителей (я посмотрела на руку) во Франции.

Я прочла записки, приклеенные на кухонной стене, проверила еду в холодильнике. Блюда на вторник, среду, четверг и пятницу по-прежнему стояли там, но я понимала, что сегодня не понедельник. Вроде я выпила нужное количество таблеток. Мне надо было выяснить, какой сегодня день недели, но я не осмеливалась открыть ноутбук: сразу начну писать Дрейку, хотя я не должна этого делать. «Какой сегодня день?» – слишком глупое начало для возобновления разговора. И потом, я же только что прочла: он работает и не в состоянии отвечать на письма. Он не сможет мне написать, и от этого я загрущу.

Я помнила поцелуй. Я помнила наши разговоры. Я помнила волны, разбивающиеся о гальку, и запах моря, и лунный свет. Я помнила камешек. Я опустила глаза и увидела, что он у меня в руке.

Куда бы я ни посмотрела, дом выглядел отвратительно. На коврике у входной двери скопились письма и записка от почтальона: «Вас не было дома». Я все сфотографировала: грязь, беспорядок и саму себя, чтобы не забыть.

Все окна были закрыты, но, остановившись возле одного из них, я увидела: на улице солнечно. Дому требовался свежий воздух.

Всюду были записки, многие только с одной фразой: «Я ЛЮБЛЮ ЕГО» или «Он хочет увидеть меня обнаженной». Я собрала их, сложила в конверт и сунула под свою кровать.

Я набрала номер телефона, который увидела на визитной карточке, висящей на кухонной доске для записей.

– Алло? – ответил мужской голос. – Такси Пита, чем могу помочь?

– Здравствуйте, – сказала я. – Сегодня пятница?

– Сегодня? – переспросил мужчина. – Да, цветочек, пятница. Тебе нужно такси, дорогая?

– Нет, спасибо, до свидания.

Я отсоединилась. Родители вернутся завтра – мне предстояло как следует потрудиться.

Сначала следовало заняться собой. Я налила ванну, добавив побольше пены в воду. Когда комната наполнилась паром, я посмотрела в зеркало, провела пальцами по волосам и заглянула себе в глаза.

Я стала другим человеком.

Зеркало запотело. Я написала пальцем его имя: «ДРЕЙК». Затем добавила: «ФЛОРА» и «будь храброй». Потом обвела все написанное сердечком.

Я долго смотрела на свое голое тело, гадая, был бы разочарован Дрейк, увидев его. Я провела руками по коже от талии вниз, пытаясь представить, что это он прикасается ко мне.

Я принялась и удивилась: почему включена духовка? Когда я спустилась, завернувшись в полотенце, оказалось, что я включила ее и оставила пустой. Запах появился из-за сторовших кусочков еды, которые когда-то упали с противня.

Я выключила духовку и вернулась в ванную комнату. Вода была горячей, ее было много, и я пришла в восторг от того, что не позволила ей перелиться через край.

В одном из своих писем Дрейк просил мое фото в обнаженном виде. Я отказала. «И правильно сделала», – решила я, ставя ногу во все еще слишком горячую воду. Дрейк думает, что я странная красивая девушка. Если бы он увидел меня настоящую, то разочаровался бы. Тогда на пляже было темно.

Я легла в ванну, проверив руки. Могло смыться нечто жизненно важное. На этот раз на руках не оказалось ничего такого, о чем бы я не помнила.

Я вымыла волосы шампунем и кондиционером, отдраила себя мочалкой, побрила ноги и подмышки. Когда я вышла из ванной, то была розовой, словно лобстер, но благоухала иначе, чем до мытья.

С открытыми окнами дом снова начал дышать. Густой неприятный запах исчез. Воздух с улицы напомнил мне: за домашними стенами есть мир. Оттуда пахло морем, свежим ветром, пролетевшим через Атлантику.

Я стояла, завернувшись в полотенце, смотрела в окно и вдруг почувствовала, что плачу. Я не была уверена: реальна ли моя переписка с Дрейком по электронной почте, действительно ли уехали мои родители, настолько ли серьезно болен мой брат Джейкоб, давно живущий во Франции, что они бросились к нему, оставив меня одну. Я не знала, был ли высокий мальчик из моего детства моим братом Джейкобом. Я не верила в то, что Пейдж больше со мной не разговаривает. Ведь мы были лучшими подругами. Мы познакомились, когда нам было по четыре года, в наш первый школьный день. Я знала об этом только потому,

что прочла это в блокноте, но я могла написать что угодно. Действительно ли есть парень на Северном полюсе, который любит меня так же, как я люблю его? Действительно ли я поцеловала его? На самом ли деле он попросил провести с ним ночь?

Да, он сделал это. Я знала, потому что помнила. Я поцеловала Дрейка на пляже. Это единственное, что я знала наверняка.

Мир начал расплываться по краям. Дрожа, я вернулась в спальню, села на кровать, потом легла и закрыла глаза.

Когда я проснулась, было уже темно. Окна остались открытыми, мне в лицо дул вечерний ветер.

Я не зашторила окна. Свет горел. Кровать стояла посреди комнаты, стены были наполовину выкрашены в белый цвет. Я прочла записки и все вспомнила. Скоро приедут родители. Я нашла в ящике чистую белую хлопковую пижаму. В ней мне было холодно, поэтому я натянула сверху плотный джемпер и надела шерстяные носки. В доме было тихо.

Я поцеловала парня на пляже в лунном свете. Волоски на моих руках встали дыбом.

Все окна были распахнуты настежь – меня трясло от холода, пока я ходила по дому и закрывала их. Я слышала крики откуда-то снизу, с морского берега, но это были звуки из другой вселенной. В столовой царил мертвая тишина. Телевизор стоял серый, молчаливый, обвиняя меня в том, что я не смотрела его, как мне было сказано. Диван в идеальном порядке, вмятина только на одной подушке. Я присела только для того, чтобы он выглядел так, будто я на нем постоянно сидела.

Я убралась на кухне и только потом заметила, что уже два часа ночи. К этому моменту тарелки стояли в посудомоечной машине, пол был подметен, но не вымыт. Я собрала невероятное количество крошек в ладонь и выбросила в мусорное ведро.

Мне следовало бы лечь спать, но вместо этого я заварила мятный чай и открыла ноутбук, не представляя, что найду под крышкой. Там могла быть наша захватывающая переписка с Дрейком, но ее там могло и не быть. Я не до конца верила самой себе, когда написала о ней. Я боялась, что найду только свои письма. Мне не хотелось, чтобы только я писала ему, как бедная, маленькая, нездоровая девочка.

Но нет, все письма были на экране. Я прочла их с нарастающим удивлением и возбуждением.

Переписка закончилась двенадцать часов назад. Мы решили, что собираемся заняться каждый своими делами.

Дрейк, вероятно, уже спал возле далеких спутниковых тарелок. Я поднялась на второй этаж, в свою спальню, легла в кровать и тоже уснула.

Дом стал чистым и аккуратным. Я вымыла полы, вытерла пыль. Я выбросила почти всю еду в уличный бак, чтобы родители не увидели ее в мусорном ведре. Об этом мне напоминала фотография чистого ведра. Родители должны были скоро приземлиться, поэтому я решила бросить вызов окружающему миру и купить хлеб вместо того, который съела.

День был теплый, и я вышла из дома в хлопковом платье и кардигане, в шлепанцах на босу ногу. Переступив порог, я почувствовала себя чужаком. Я знала, что давно не выходила на улицу. Воздух ощущался странно на моем лице. Я прошла по дороге, миновав большое офисное здание, и позволила ногам отнести меня на Чейпел-стрит, где находился небольшой, но хороший магазин. Свежий воздух обжигал легкие. На щеки вернулся румянец. Я думала о Дрейке, живущем в холодной снежной стране, и в моей походке появилась весенняя легкость.

Я оторвалась от компьютера, но по возвращении меня наверняка будет ждать новое письмо. А пока я перечитывала другие сообщения Дрейка, в которых он писал мне прекрасные слова. Он говорил, что обожает меня. У меня появился парень, он за сотни миль отсюда и любит меня. Он хочет меня. Дрейк отвечал на мои письма. Его поцелуй заставил меня помнить.

Я хотела поехать на Северный полюс, чтобы найти возлюбленного.

Я посмотрела на свою руку: *«Флора, будь храброй»*.

Я купила три буханки хлеба, немного печенья и сочный имбирный кекс. Я взяла молоко, хотя не знала, нужно оно нам или нет. Просто покупка молока в магазине – то, что делают все люди. Я помнила, что мама покупала его, когда я была маленькой. Я выбрала вино для родителей, потому что они его любили. Я приобрела довольно дорогую бутылку. Судя по цене, вино должно быть хорошим.

Когда я улыбалась людям, они улыбались в ответ. Это меня настолько ободрило, что я решила пройтись по городу: ощутить солнечный свет на коже и улыбаться прохожим, размахивать сумкой с покупками и чувствовать себя счастливой, нормальной, привлекательной. Дрейк желал меня. Он поцеловал меня на пляже.

Я бродила по улицам, и Пензанс принимал меня. Я заходила в секонд-хенды: там было много товаров. Я оглядела себя. Мне семнадцать лет, но я одета в платье, как маленькая девочка, на ногах шлепанцы. Я выглядела точно так же, как в десятилетнем возрасте, только стала больше. Я посмотрела на девушку, которая шла мне навстречу. На ней было красное с белым платье с широкой юбкой и красивые туфли с лентами, завязывающимися вокруг щиколоток. Мне бы хотелось выглядеть как она. На другой стороне улицы я заметила женщину в длинном пальто с меховым воротником. Она выглядела как человек, который может поехать на Северный полюс.

[Купить полную версию книги](#)

Pixies – американская альтернативная рок-группа. – *Здесь и далее прим. ред., если не указано другое.*

В системе государственных школ Великобритании дети начинают обучение в возрасте четырех лет.

Портовый город в графстве Корнуолл, Великобритания.

Главный город английского графства Девоншир, расположенный на судоходной реке Экс.

Нарушение памяти о событиях после начала заболевания.

Гиппогриф, появившийся в повествовании о Гарри Поттере с третьего романа.

«Twinkle Twinkle Little Star» – английская колыбельная.

«Вaa Вaa Black Sheep» – популярная английская детская потешка, переложенная на французскую мелодию 1791 года.